

УДК 81'27

DOI 10.23951/1609-624X-2017-6-25-31

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ В ЯЗЫКОВЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ЧЕЛОВЕКА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ДИСКУРСАХ СМИ

И. А. Курбанов, С. Г. Носкова

Сургутский государственный университет ХМАО – Югры, Сургут

Проблема социализации инвалидов в общественно полезную жизнь является одной из самых актуальных в нашем обществе. Наши мировоззрения, убеждения и неправильные представления создают существенный барьер для людей с ограничениями. Изменения в восприятии могут развить осведомленность в вопросе инвалидности, улучшить взаимодействие и создать условия для осознанной коммуникации между инвалидами и неинвалидами. Несмотря на то, что общение – самый действенный способ для передачи личного опыта инвалида, средства массовой информации могут стать эффективным средством для достижения более полного понимания, а также постепенного изменения общественного сознания.

Язык отражает окружающий нас мир и создает способы нашего представления и познания этого мира. Одним из аспектов изучения инвалидности является изучение слов, которые мы используем для обозначения человека с ограниченными возможностями, а также способов языковых репрезентаций людей и представлений о них. История, теория, социальная защита, политика и культура оказывают влияние на способы выражения и репрезентации инвалидности. Появление новых парадигм инвалидности, движение за права инвалидов, теория инвалидности и другие изменения в культуре привлекают внимание к приемам репрезентации инвалидности. Представлен когнитивно-дискурсивный, контекстуальный анализ терминов инвалидности на материале интернет-изданий статей научно-популярных журналов и газет России и США: *АиФ*, *Российская газета*, *Московский комсомолец*, *лента.ру*; *New York Times*, *National Geographic*, *Time*, *People*, *Scientific American*, *Fortune*.

Ключевые слова: *социальная модель, инвалидность, инвалиды, дискурс инвалидности, языковые репрезентации инвалидности.*

Другие, инопланетные, недочеловеки, инвалиды, люди с ограниченными возможностями, особенные люди... – такой далеко не полный список языковых репрезентаций инвалидности в истории общества, связанный с изменением и развитием парадигмы взглядов, мнений, моделей отношения к людям с ограниченными возможностями.

Долгое время существовала стигматизация (от греч. *stigma* – клеймо) инвалидности. Считалось, что человек с увечьями наказан богом, судьбой за грехи, поэтому он и его поведение расценивалось как аморальное, злостное; такой человек был недостойн находиться в добропорядочном обществе.

С развитием науки и медицины проблема инвалидности вышла на новый уровень, отражая изменения социальных и культурных норм. Благодаря научному прорыву различные состояния инвалидности стало возможным объяснить заболеванием и характерным для него поведением, которое теперь уже не определялось как «моральное» или «аморальное», оно изменилось на «здоровое» и «больное». Это дало объяснение состоянию инвалида для неинвалидов, что, наконец-то, ликвидировало моральную стигму инвалидности в обществе.

Но тем не менее данная модель не раскрыла все сферы жизнедеятельности человека с ограниченными возможностями, такие как образование, отдых, профессиональная сфера, творчество и т. д. Она, наоборот, стала своего рода ловушкой – ведь теперь человек стал ассоциироваться с приписанным ему диагнозом и необходимостью лечения, нахождения в закрытых специализированных медицинских учреждениях, таким образом, он исключался из других сфер общества.

Следующей моделью в развитии отношения стала социально-политическая модель, связанная с движением за гражданские права в американском обществе в 1960-х гг. Инвалиды и неинвалиды начали активно создавать общественные движения и организации за права, проводить просветительские кампании. Это способствовало развитию законодательной базы, которая гарантировала людям равные права с принятием Закона об американцах с ограниченными возможностями (*Americans With Disabilities Act*) в 1990 г.

На настоящем этапе развития общества доминирующей является социальная модель – вовлечение людей в активную общественную жизнь. Данная модель предполагает, что инвалидность стано-

вится значимой только во взаимодействии с обществом. Современный подход заключается в переоценке смысла, который вкладывается при описании человека посредством языковых репрезентаций. К примеру, в американском дискурсе доминантным словом для обозначения человека с ограниченными возможностями является *disabled*, *disability*, которое выражается в 51 % словоупотребления, в русском дискурсе доминантными становятся слова «инвалид» – 43 %, «человек с ограниченными возможностями» – 11% и «человек с особыми потребностями» – 9 %.

Однако первоначально слова *disabled* – «неспособный» и «инвалид» – от латинского *invalidus* – «слабый» несут отрицательную коннотацию.

Чтобы избавиться от негатива, Конвенция о правах человека с ограниченными возможностями в 2008 г. определяет термин *the disabled* – люди с ограниченными возможностями как люди, которые имеют длительные физические, умственные или сенсорные нарушения, которые при взаимодействии с различными барьерами (болезнь, среда, дискриминация) могут препятствовать полной и эффективной общественной жизни на равной основе с другими.

Таким образом, социальная модель ставит целью устранение этих барьеров – помощь в лечении, приспособлении окружающей среды к нуждам людей-инвалидов и, что самое главное, изменение отношения к особым людям.

Также Закон об инвалидах внес новый смысл в понятие «инвалид в России».

Согласно официальной терминологии (<http://official.academic.ru/7890>), инвалид – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты.

Таким образом, слово «инвалид» уже не является дискриминационным термином, он равносителен английскому термину “*disabled*” и становится объектом пристальной общественной заботы и включения.

Поэтому цель социальной модели – изменить негативный смысл языковой репрезентации посредством вовлечения людей с ограниченными возможностями в разные сферы жизнедеятельности общества и представление положительного опыта вовлечения. Одним из таких приемов является использование слов «люди», «человек» на первом месте (от англ. “*people first language*”), к примеру, «ребенок с ограничениями по здоровью»,

а не «ограниченный по здоровью ребенок», «ребенок с нарушением слуха», а не «глухой ребенок», «дети с умственной отсталостью», а не «умственно отсталые дети». Этот прием используется намеренно, чтобы выделить личность человека и снизить тем самым негативную коннотацию по отношению к инвалиду, сложившуюся в обществе из-за стереотипов и неправильной репрезентации в СМИ. Этот прием (“*people first language*”) предпочтителен для языка СМИ и настоятельно рекомендован для научного и профессионального стиля речи [1, с. 58]

Также в американском дискурсе был замечен интересный подход к называнию людей «неинвалидов», выражающийся в терминах “*Dable-bodied – способное тело*“, “*nondisabled – неинвалиды*“, чтобы уравнивать положение людей в обществе путем использования одинаковых терминов – корневого слова “*disabled*”.

В последнее время для обозначения неинвалидов присутствует также «ироничный» термин «временно дееспособное тело» (от англ. *TABs* – аббревиатура от “*the temporarily abled bodied*”), указывая на тот факт, что с увеличением средней продолжительности жизни за счет улучшения качества, а также с увеличением числа самих инвалидов из-за перенаселения рано или поздно любой человек присоединится к категории людей с ограниченными возможностями, которая станет впоследствии самой универсальной для названия человеческой расы в целом.

Кроме того, в американских СМИ было замечено слово «*neurotypical* – нейротипичный», которое используется для характеристики неинвалида. Данный термин лингвистически уравнивает состояния людей в обществе, так как первоначально относится к медицинскому диагнозу подобно человеку с ограниченными возможностями по здоровью.

При дальнейшем исследовании дефиниций инвалидности в массмедийном дискурсе России и Америки находим грубые нарушения и идеи аблеизма (утверждение культуры здорового тела, которое и является признаком полноценности). В российской публицистике встречаются недопустимые названия, такие как «изгой» – 2 %, «недочеловек» – 1,2 % от исследуемых терминов.

Родные от сына-«овоца» отказались. Всю правую часть тела молодого человека парализовало. Он не мог самостоятельно дышать и есть. После двух непростых операций в горле и животе у парня появились «трубки жизни». Через одну такую, в желудке, с помощью шприца Юля его кормила. «Он не жилец», – убеждали врачи [2].

«Особенные дети» растут в семьях, как **тепличные растения**... [3].

В родильном доме маме настоятельно советовали отказаться от ребенка. Убеждали: девочка никогда не будет ходить и вообще вырастет «овощем» [4].

В данных примерах мы видим использование фитоморфной метафоры для обозначения человека, находящегося на грани смерти, где его кодируют уже не живым организмом, а растением.

В российских СМИ очень часто заостряется положение инвалида в обществе, где его не воспринимают как самостоятельного, полноценного и равноправного члена коллектива; в результате такого отношения он становится изгоем.

...заставляют человека взглянуть на свою проблему со здоровьем их глазами. Он опускает руки, не борется с недугом, а просто плывет по течению, как **простейшее, переставая быть, собственно, человеком**. Оказавшись в инвалидном кресле, многие спиваются... рано или поздно вы получите «урода» с повадками, лишь отдаленно напоминающими человеческие капризы, потакая которым, близкие лишь усугубляют процессы деградации личности [5].

Мы видим яркий пример дискриминации при использовании метафоры «недочеловек – subhuman».

Оксана любила ходить гулять во двор. Понятно, она вела себя не как другие дети, что вызывало со стороны окружающих постоянные насмешки, осуждение. Никто не хотел играть с ней, находиться рядом. На сестру глазели как на **что-то отвратительное, ужасное**, показывали пальцем: «Что это она такая у вас большая, а ходить не умеет?!» Мне было больно и обидно. И я как могла защищала Оксану. Мы везде были **нежеланными** – гостями, соседями, друзьями... Но все равно я тогда чувствовала себя **изгоем** [6].

Во всех этих примерах инвалидность не признается как полноценный способ жить и представляется как ущербность, которую либо необходимо преодолеть, либо смириться со своей участью.

В американском дискурсе также находим использование названия «subhuman – недочеловек» в 0,7 % и слова «handicap» в 2,1 % исследуемых дефиниций. А ведь известно, что данный термин является уничижительным и переводится в первоначальной интерпретации как «попрошайка», от производных слов hand – рука и cap – шляпа, кепка. С течением времени он приобрел новое значение – невыгодное положение в результате взаимодействия человека-инвалида с окружающим миром, что также несет негативную коннотацию.

Так, Полли Моррис в статье «Аутизм через метафору» («Autism as metaphor») приводит примеры художественных произведений 80–90-х годов американской прозы, в которых человек, страдающий аутизмом, сравнивается с животным, что является грубым оскорблением и нарушением прав.

It isn't until the end of the book, after Zoe emits the «scary cries of an undomesticated and certainly illegal beast», that Dash starts to realize his «jungle daughter» is damaged. Applying animal metaphors to disability seems jarring today, but it conforms to the professional belief current at the time: that autism was untreatable and tragic [7].

Еще не закончив свою книгу, после того, как Зое выпускает «страшные крики неприрученного и, конечно же, незаконного зверя», Дэйш начинает осознавать, что его «дочь джунглей» не в порядке. Использование метафор животного мира сегодня является шокирующим, но подтверждает общепринятое профессиональное мнение того времени – аутизм был неизлечим и трагичен (перевод выполнен авторами статьи).

Иногда авторы статей прибегают к использованию метафор неживой природы для описания состояния человека-аутиста.

Здесь наиболее продуктивен фрейм – КОСМОС, который выражен слотами: ПЛАНЕТЫ, СОЛНЦЕ, ЗВЕЗДЫ, ИНОПЛАНЕТЯНЕ, ВСЕЛЕННАЯ.

«It's doctor-speak for “We have no earthly idea what's wrong with your child”. I often find myself grasping for otherworldly metaphors to explain our experience. Imagine E.T. came to your house but never figured out how to phone home. No spaceship. No tearful departure. Just you, the other humans in the house, and E.T. He can't really communicate, so domestic dramas take place through wild gestures and improvised sign language. We are not of his world”, Alysia and I tell ourselves. “And he is not of ours. The best we can do is help our alien child negotiate the baffling planet on which he's found himself” [8].

«Так говорят доктора: У нас нет **земного** объяснения проблем вашего ребенка. Я часто пытаюсь найти **вселенские** метафоры, чтобы охарактеризовать наш опыт. Представьте, что **пришелец из космоса** оказался в вашем доме, но не знает, как позвонить вам. У него нет **космического корабля**. Вас не ждут слезы расставания. Только вы, другие люди в вашем доме и этот **инопланетянин**. Он не может общаться, поэтому домашние сцены разыгрываются при помощи жестов и импровизированного языка. Мы не принадлежим его миру, а он не из нашего мира. Самое лучшее, что мы можем сделать, – это помочь нашему

инопланетному ребенку сообщаться с непонятным для него миром, в котором он оказался заперт» (перевод выполнен авторами данной статьи).

Автор статьи мастерски описывает проблемы аутистов, которые не приспособлены к миру людей, так как они из другого мира: они не могут высказать свои желания, оказываются заперты в своем теле, доме. Любой выход в общество – это неизбежные страдания для них и их родных. Очень наглядно инопланетная метафора объясняет поведение этих людей. Здесь также прослеживается позитивный настрой, так как если общество поймет и поможет, а не отвергнет их, дети-аутисты смогут адаптироваться к жизни. Однако называние ребенка инопланетянином (Е. Т.) является оскорбительным и поддерживает идею аблеизма, что недопустимо для равноправного общества.

Следующим негативным последствием языковых репрезентаций является использование эвфемизмов, которое очень часто встречается в дискурсе СМИ. Существует несколько причин, почему эвфемизмы нежелательны. Одной из них является то, что использование эвфемизмов свидетельствует о том, что прямой разговор о нарушениях или инвалидности является постыдным или невежливым. Другая причина – это то, что использование более «мягкого» языка скрывает важность нарушения или инвалидности в личном опыте человека с ограниченными возможностями. Смарт (2001) объясняет: «Эвфемизмы – оскорбительны, потому что их использование подразумевает, что реальность инвалидности – отрицательная и несчастливая. Большая часть языка для описания проблем инвалидности – снисходительна, банальна либо эвфемична. Такие выражения, как “physically challenged” or “mentally different” – «физически ограниченные» или «ментально другие», являются снисходительными и эвфемичными, утверждая, что проблемы инвалидности нельзя обсудить в открытой и беспристрастной манере. Многие люди с физическими ограничениями не видят барьеров в выражении особой заботы, защиты; мы иногда лишаем их достоинства независимости, выбора. Мы создаем двойные стандарты, не позволяя им совершать то, что неинвалиды принимают как должное. То, что является переходом к зрелости и взрослой жизни.

В дискурсе американских СМИ было обнаружено использование эвфемизмов *people with physical challenges, mentally challenged* – 8 слов, *people with limited mobility* – 18 слов, *people with mobility and perceptive deficits* – 1 слово, что составило 5 % от общего словоупотребления. В российском дискурсе инвалидности использование эвфемизмов,

слов – ОТЛИЧНЫЙ ОТ ДРУГИХ – 1 слово, ЧЕЛОВЕК С ФИЗИЧЕСКИМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ – 3 слова, МАЛОМОБИЛЬНЫЙ – 4 слова, что составило 1 % от общего словоупотребления. Таким образом, можно сделать вывод, что журналисты не часто прибегают к использованию эвфемизмов в освещении проблем людей с ограниченными возможностями.

Итак, язык является как описательным, так и политическим инструментом общества. Слова наполняются смыслом, заимствованным из истории, контекста и перспектив. Термины, классификации, категории и названия, составляющие дискурс инвалидности, отражают наши политические и социальные практики, в которых он становится смыслообразующим. Изучая нюансы терминологии дизабилити в американском дискурсе и инвалидности в русском, мы больше понимаем, насколько медицинские и социальные модели инвалидности будут расходиться в будущем. Внимание к изменениям в лингвистическом выражении, происходящие по причине борьбы за равные права, раскрывает важную роль языка в политических группах и самоопределении.

Доминантная на настоящем этапе развития общества социальная модель предполагает, что инвалидность становится значимой только во взаимодействии с обществом. Современный подход заключается в переоценке смысла, который мы вкладываем при описании человека посредством языковых репрезентаций. Использование слов «люди», «человек» на первом месте (от англ. “people first language”), основы слова “disabled” для всех категорий людей, термина “TABs” – с англ. «временно способные люди», “neurotypical” – с англ. «нейротипичный» способствует преодолению барьеров в понимании проблем инвалидности. Однако стоит избегать оскорбительных метафор, снисходительных эвфемизмов в описании человека с ограниченными возможностями так как это является признаками нездорового аблеистического общества, нарушением прав человека. В заключение необходимо отметить, что каждый человек имеет различные характеристики и для человека с ограниченными возможностями инвалидность – это всего лишь один из аспектов его личности. Ведь ни один человек не захочет, чтобы к нему относились лишь по одному свойству его индивидуальности. Ни один «ярлык», название не может передать всей сложности характера отдельно взятой личности.

Далее приводится таблица рейтинга языковых презентаций для определения человека с ограниченными возможностями в дискурсе инвалидности российских и американских СМИ.

	Российский дискурс СМИ			Американский дискурс СМИ		
	Термин	Количество слов	Частотность использования, %	Term	Number of words	Frequency of usage, %
1	Инвалид	250	43	The disabled, people with (intellectual) disabilities, disability	313	51
2	Человек с ограниченными возможностями	66	11	Autism, a man with autism, autistic (spectrum)	57	9
3	Особенный человек	53	9	The blind	31	5
4	Слепые, незрячие, слабовидящие	50	8,6	The wheelchair	27	4,4
5	Паралимпийцы	43	7	(visually, itellectually) impaired	26	4,2
6	Человек с ОВЗ	18	3	Nondisabled 7, able-bodied 17, neurotypical 2	26	4,2
7	Колясочник	16	2,7	Veteran with PTSD (post-traumatic stress disorder)	20	3,3
8	Изгой	12	2	People with limited mobility	18	3
9	Больной человек	11	1,9	Paralysed	14	2,3
10	Человек с аутизмом	10	1,7	Handicap (ped)	13	2,1
11	Маломобильный	8	1,4	Special-needs people (kids, models)	12	2
12	Социально незащищенные	7	1,2	Paralympic athlete (para-athletes), paralympian	11	1,8
13	Человек с физическими ограничениями	7	1,2	People with physical challenges, mentally challenged	8	1,3
14	Недочеловек	7	1,2	Quadraplegic	7	1,1
15	Глухонемой	6	1	A man with a Down Syndrome	6	1
16	Отличный от других	3	0,5	Deaf	4	0,7
17	Равноправный партнер	2	0,3	Subhuman	4	0,7
18	«Дети дождя»	2	0,3	People with developmental disorders	3	0,5
19	Дети с отклонениями	2	0,3	Dyslexic children	2	0,3
20	«Товарищи по несчастью»	1	0,2	Non-verbal	2	0,3
21	«Идиоты»	1	0,2	E.T. 1 alien 1	2	0,3
				A new normal	1	0,2
				The temporarily able-bodied, or TABs	1	0,2
	Всего	575		Total	608	

Список литературы

1. Baglieri S., Shapiro A. Disability studies and the inclusive classroom: Critical practices for creating least restrictive attitudes. Routledge. 2012.
2. Борта Ю. Место для инвалида. Где найти работу людям с физическими недостатками? // АиФ. 2013. 12 июня. URL: <http://www.aif.ru/society/law/44152> (дата обращения: 03.08.2015).
3. Гасюк А. Вооруженные законом // Российская газета. 2012. 23 апреля. Режим доступа: <http://rg.ru/2012/04/23/britaniya.html> (дата обращения: 03.08.2015).
4. Джioева З. Выпала роль. Как выходят на сцену те, кому живется непросто // Lenta.ru. 2015. 6 апреля. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/04/06/teatr/> (дата обращения: 19.08.2016).

5. Котельникова А. Инвалид инвалиду рознь. Одни выигрывают Паралимпиады, а другие сливаются // АиФ. 2014. 10 октября. URL: http://www.aif.ru/society/people/invalid_invalid_rozn_odni_vyigryvayut_paralimpiady_a_drugie_spivayutsya (дата обращения: 11.02.2015).
6. Обельченко М. Наталья Водянова: «Я снова, как в детстве, почувствовала себя изгоем» // Караван истории. 2015. 26 августа. URL: <http://7days.ru/stars/privatelife/natalya-vodyanova-ya-snova-kak-v-detstve-pochuvstvovala-sebya-izgoem/6.htm> (дата обращения: 11.03.2015).
7. Leigh Brown P. Ideas & Trends: A New Culture Moves on Campus; Viewing Ahab and Barbie Through the Lens of Disability // The New York Times. 2000. August 20. URL: <http://www.nytimes.com/2000/08/20/weekinreview/ideas-trends-new-culture-moves-campus-viewing-ahab-barbie-through-lens.html?module=Search&mabReward=relbias%3As> (дата обращения: 18.08.2016).
8. Howe J. Paying For My Special-Needs Child // Time. 2014. June 24. URL: <http://time.com/money/2793944/paying-for-my-special-needs-child/> (дата обращения: 03.07.2016).

Курбанов Ибрагим Алиевич, кандидат филологических наук, профессор, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры (пр. Ленина, 1, Сургут, Россия, 628412). E-mail: ibragimkurbanov@mail.ru

Носкова Светлана Геннадьевна, аспирант, Сургутский государственный университет ХМАО – Югры (пр. Ленина, 1, Сургут, Россия, 628412). E-mail: noskova@slib.ru

Материал поступил в редакцию 27.12.2016.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-6-25-31

SOCIAL MODEL IN LANGUAGE REPRESENTATIONS OF A PERSON WITH DISABILITY IN RUSSIAN AND AMERICAN MASS MEDIA DISCOURSE

I. A. Kurbanov, S. G. Noskova

Surgut State University, Surgut, Russian Federation

There isn't an aspect of social policy or experience that isn't deeply caught up in disability issues. Disability is one of the great issues, like race, class and gender.

Attitudes, beliefs, and misconceptions of society constitute a major barrier for people with disabilities. Attitude change can follow on heightened awareness, increased contact, and increased meaningful communication between disabled and non-disabled people. Although personal interaction is the most effective medium for conveying the personal experience of disability, the mass media can be an effective vehicle for bringing about greater understanding, and a consequent gradual change in public perceptions of people with disabilities.

Language reflects the world around us and also constitutes the ways we understand and experience it. One aspect of the study on disability involves examining the words we use and the ways in which language represents persons and beliefs about them. The language used to talk about disability and disabled persons has changed over time. History, theory, advocacy, politics, and culture influence how disability is expressed and represented. The emergence of new paradigms of disability, the disability rights movement and disability studies, and other changes in culture bring attention to the ways that we talk about and depict disability. Examining varied perspectives on disability reveals considerable variation in language related to disability and how it is regarded.

The article is devoted to the cognitive and discursive, contextual analysis of the disability terms based on the Internet articles of the Russian and American magazines, journals and newspapers: АиФ, Rossiyskaya gazeta, Moskovskiy Komsomolets, lenta.ru; New York Times, National Geographic, Time, People, Scientific American, Fortune.

Key words: *social model, disability, disabled, disability discourse, disability terms.*

References

1. Baglieri S., Shapiro A. Disability studies and the inclusive classroom: Critical practices for creating least restrictive attitudes. Routledge, 2012.
2. Borta Yu. Mesto dlya invalida. Gde nayti rabotu lyudyam s fizicheskimi nedostatkami? [A place for a disabled person. Where can people with disabilities find work?]. АиФ. 2013. 12 June (in Russian). Available at: <http://www.aif.ru/society/law/44152> (accessed 03.08.2015).
3. Gasyuk A. Vooruzhennye zakonom [Armed with the law]. Rossiiskaya gazeta. 2012. 23 April (in Russian). URL: <http://rg.ru/2012/04/23/britaniya.html> (accessed 03.08.2015).
4. Dzhioeva Z. Vypala rol'. Kak vykhodyat na stsenu te, komu zhivetsya neprosto [Get a role. How do those who live a difficult life come out to the stage]. Lenta.ru. 2015. 6 April (in Russian). URL: <http://lenta.ru/articles/2015/04/06/teatr/> (accessed 19.08.2016).
5. Kotel'nikova A. Invalid invalidu rozn'. Odni vyigryvayut Paralimpiady, a drugiye spivayutsya [Persons with disabilities are different. Some win the

Paralympic Games, while others succumb to alcoholism]. AiF. 2014. 10 October (in Russian). URL: http://www.aif.ru/society/people/invalid_invalidu_rozn_odni_vyigryvayut_paralimpiady_a_dругие_spivayutsya (accessed 11.02.2015).

6. Obel'chenko M. Natalya Vodyanova: "Ya snova, kak v detstve, pochuvstvovala sebya izgoem" [Natalya Vodyanova: I felt an outcast as I used to be when a child]. Karavan istoriy [Caravan of stories]. 2015. 26 August (in Russian). URL: <http://7days.ru/stars/privatelife/natalya-vodyanova-ya-snova-kak-v-detstve-pochuvstvovala-sebya-izgoem/6.htm> (accessed 11.03.2015).
7. Leigh Brown P. Ideas & Trends: A New Culture Moves on Campus; Viewing Ahab and Barbie Through the Lens of Disability // The New York Times. 2000. August 20. URL: <http://www.nytimes.com/2000/08/20/weekinreview/ideas-trends-new-culture-moves-campus-viewing-ahab-barbie-through-lens.html?module=Search&mabReward=relbias%3As> (accessed 18.08.2016).
8. Howe J. Paying For My Special-Needs Child // Time. 2014. June 24. URL: <http://time.com/money/2793944/paying-for-my-special-needs-child/> (accessed 03.07.2016).

Kurbanov I. A., Surgut State University (pr. Lenina, 1, Surgut, Russian Federation, 628412).
E-mail: ibragimkurbanov@mail.ru

Noskova S. G., Surgut State University (pr. Lenina, 1, Surgut, Russian Federation, 628412).
E-mail: noskova@slib.ru